

Глава 22. Трепет сердца

Хуа Хайцзюню всю ночь снились кошмары. В них мелькали то лицо дяди, то лицо Чу Вэя.

Дядя с улыбкой смотрел на него и просил называть кого-то «тётушкой».

Он обернулся и увидел зардевшегося Чу Вэя, который, словно пташка, доверчиво прижимался к дядиной груди. Но самое главное — на нём было платье, которое не только не выглядело на нём нелепо, но, наоборот, делало его невероятно красивым.

Он спросил дядю, разве Чу Вэй не парень? Как он может быть его тётей?

В следующую секунду Чу Вэй выхватил меч и с яростью бросился на него с криком, что никому не позволит их разлучить, а кто посмеет — того он зарубит.

В ужасе Хуа Хайцзюнь бросился бежать, но перед глазами была лишь непроглядная тьма. В тот момент, когда меч уже почти достиг его, он услышал голос Чу Вэя, будившего его.

Мысли ещё не успели вернуться в реальность, и Хуа Хайцзюнь на автомате отказался вставать.

Он и представить не мог, что, открыв глаза, обнаружит себя висящим за окном.

Всё ещё не оправившись ото сна, он решил, что Чу Вэй собирается его убить, и, пытаясь спасти свою жизнь, инстинктивно выпалил: «Тётушка!»

Но когда он окончательно проснулся, то понял, что это слово было не спасением, а смертным приговором.

Чу Вэй одной рукой опёрся о край кровати и, с любопытством глядя на него, спросил:

— Кого ты назвал тётушкой?

Хуа Хайцзюнь посмотрел на раскинувшийся под ним газон и, не смея шевельнуться, поспешно объяснил:

— Я ошибся, я думал, что это сон. Скорее... скорее затащи меня обратно.

В общем-то, он не соврал. Такое могло присниться только в кошмаре.

Чу Вэй пристально смотрел на него несколько секунд, а затем, слегка изменив положение

руки, втащил обратно.

— Теперь ты готов вставать?

Хуа Хайцзюнь посмотрел на Чу Вэя. Тот не выглядел злым или свирепым, наоборот, его лицо было красивым и даже привлекательным, но отчего-то по телу, от пяток до самого сердца, пробежал леденящий холодок, заставив его содрогнуться.

Он поспешно закивал:

— Встаю, конечно, встаю, уже встаю.

Только во время умывания Хуа Хайцзюнь начал понимать, что что-то не так. Ему всё казалось странным, но под угрозой расправы он думал лишь о спасении своей жизни.

И только теперь до него дошло: откуда у Чу Вэя такая невероятная сила? Разве у обычного человека может быть такая мощь?

Хуа Хайцзюнь вспомнил вчерашний инцидент с прыжком. Все одноклассники видели, как Чу Вэй спрыгнул с четвёртого этажа, не только не получив ни царапины, но и успешно спас Чжао Кэ.

Обычный человек, спрыгнув с высоты более десяти метров, если не разобьётся насмерть, то точно останется калекой. Как он мог остаться целым и невредимым, да ещё и спасти кого-то?

Это было совершенно нелогично.

Чем больше Хуа Хайцзюнь думал об этом, тем больше убеждался, что Чу Вэй — не обычный человек. Он даже замедлил движения, чистя зубы.

— Ты сколько ещё будешь зубы чистить? Скоро утренняя пробежка.

Ленивый, понукающий голос раздался от двери, и Хуа Хайцзюнь невольно ускорил движения.

За исключением дождливых и ветреных дней, в их старшей школе каждый день была утренняя пробежка. Ученики, живущие в общежитии, должны были пробежать три круга по стадиону перед завтраком.

Учебный график в старшей школе всегда был напряжённым, и у многих учеников страдала физическая форма. Утренняя пробежка была введена для укрепления их здоровья.

Но, очевидно, не каждый мог пробежать три круга.

После первого круга Хуа Хайцзюнь уже чувствовал, как слабеют его руки и ноги, и он задыхался.

Бежавший рядом с ним Чу Вэй не проронил ни капли пота. Он не только не задыхался, но даже его дыхание не сбилось.

Хуа Хайцзюнь посмотрел на него и, задыхаясь на бегу, произнёс:

— Чу Вэй, я раскрыл твой секрет.

Чу Вэй бросил на него недоумённый взгляд и продолжил бежать, даже ускорившись.

Хуа Хайцзюнь поспешил за ним:

— Куда ты так быстро? Не волнуйся... я никому... не расскажу.

Видя его серьёзное выражение лица, словно он действительно что-то обнаружил, Чу Вэй заинтересовался и спросил:

— Какой секрет?

Хуа Хайцзюнь огляделся по сторонам, ускорился, чтобы приблизиться к нему, и прошептал:

— На самом деле... ты инопланетянин, да?

Чу Вэй: «...»

Увидев его реакцию, Хуа Хайцзюнь понял, что угадал.

— Прямо как в сериалах... огромная сила, мгновенное перемещение... поэтому ты и смог... смог спасти ту девушку. Ты с какой... с какой планеты?

От одной только мысли об этом становилось волнительно. Его сосед по комнате — инопланетянин со сверхспособностями. В таком случае, знакомство дяди с ним могло быть каким-то невероятным, вселенского масштаба событием. Раз уж инопланетяне существуют, то что ещё может быть невозможным?

Хуа Хайцзюнь тут же спросил:

— Люди на твоей планете... все такие же сильные, как ты? Не волнуйся, я никому... не скажу.

Он едва поспевал, задыхался, но упорно продолжал допытываться.

Чу Вэй вздохнул. Ему было очень интересно, как устроен мозг этого нового одноклассника, раз он мог придумать такое.

А тот всё не унимался, с горящими глазами глядя на него.

Чу Вэй тяжело вздохнул и согласился:

— Ты угадал. Но смотри, никому не говори.

Глаза Хуа Хайцзюня заблестели. Теперь всё сходилось! Конечно, только инопланетянин мог совершать такие вещи.

Он понизил голос и торжественно заверил:

— Не волнуйся, я никому не скажу.

Чу Вэй так же торжественно кивнул:

— Хорошо.

Однако он тут же сменил тему и спросил:

— Ты вчера сказал, что приехал в эту школу из-за меня. Можешь объяснить? Мы ведь раньше никогда не виделись.

Он родился и вырос в маленькой деревне, самое далёкое место, где он бывал — этот уезд. Людей, которых он знал, можно было пересчитать по пальцам.

Этот молодой господин приехал из далёкого Цзинду, между ними не было никакой связи. С чего бы ему приезжать сюда из-за него?

Как ни думай, это было подозрительно.

В голове Хуа Хайцзюня зазвонили тревожные колокольчики, и слова дяди зазвучали вновь и вновь.

К счастью, вчера, просидев полдня в туалете, он придумал оправдание.

— Один великий мастер явился мне во сне и велел найти тебя.

Хуа Хайцзюнь уже не мог бежать, его шаги замедлились, и в конце концов он перешёл на медленный шаг.

Чу Вэй остановился вместе с ним и с сомнением переспросил:

— Великий мастер?

Неизвестно почему, но при словах «великий мастер» он сразу подумал об учителе.

Кроме учителя, никто так о нём не заботился.

Хуа Хайцзюнь многозначительно кивнул:

— Мой отец очень суеверен. Он даже нашёл мастера, который составил мне гороскоп и сказал, что ты — мой благодетель. Вот он и отправил меня сюда.

Чу Вэй посмотрел на него несколько секунд, не сказав ни слова, верит он или нет, и снова побежал вперёд.

Но в душе он уже почти поверил. Он не мог прочитать судьбу Хуа Хайцзюня, и объяснение этому было только одно: этот человек как-то связан с ним, поэтому многие вещи были скрыты.

Наверняка это учитель явился ему во сне. Он беспокоился, что ученик живёт один, и поэтому послал этого глупого мальчишку, чтобы тот стал ему другом.

Иначе как объяснить, что они никогда не виделись, а Хуа Хайцзюнь, едва приехав, сразу нашёл его?

Раз уж это человек, посланный учителем, то почему бы и не подружиться с ним?

Пока что, кроме того, что у него были некоторые проблемы с головой, он не любил спорт, плохо учился и любил поспать, других серьёзных недостатков у него не было.

***

Вернувшись в класс, Чу Вэй составил расписание.

— Расписание?

Хуа Хайцзюнь уставился на листок, который протянул ему Чу Вэй, и остолбенел.

— Подъём в пять утра, отбой в одиннадцать вечера. Посещение всех уроков обязательно, плюс дополнительные занятия по всем предметам.

Расписание было заполнено до отказа, время расписано по минутам.

Хуа Хайцзюнь с дрожащей рукой спросил:

— Это расписание для кого?

— Ты же просил меня помочь с учёбой. До конца старшей школы остался всего год. С твоей базой это будет очень сложно, так что придётся работать вдвое усерднее, чем остальные.

Тот тест по математике, который он решал, был просто ужасен. Даже если бы он писал ответы ногой, набрал бы больше баллов.

Хуа Хайцзюнь до этого лишь шутил, пытаясь наладить отношения, и вовсе не собирался заниматься всерьёз.

Глядя на листок в руке, он словно увидел, как на него надвигается конец света. В душе он закричал: «Дядя, ты меня погубил!»

Чу Вэй был человеком слова и дела и действительно всерьёз взялся за его обучение.

Так для молодого господина, никогда не знавшего трудностей, началась жизнь, полная мучений и страданий.

***

Из-за случая с прыжком Чжао Кэ, Чу Вэй, и без того бывший в центре внимания всей школы, стал известен всем и каждому. О нём знали не только в школе, но и многие в уезде прослышали об отважном юноше, спасшем девушку.

Многие стали интересоваться и судьбой Чжао Кэ.

После того инцидента учительница Цзи забрала Чжао Кэ к себе, и та временно жила у неё.

Школа, узнав о её ситуации, освободила её от всех платежей и даже выделила стипендию на обучение.

В маленьком уездном городке интернет был не так развит, но местное телевидение всё же приехало для съёмки репортажа. Правда, им удалось поговорить только с учителями. И Чжао Кэ, и Чу Вэй отказались от интервью.

Приехавшие репортёры — мужчина и женщина.

Мужчина был опытным журналистом, проработавшим на местном телеканале десять лет.

Женщина же была молоденькой девушкой, лет двадцати с небольшим, только что окончившей университет, — видимо, стажёрка.

— Какая ужасная история у этой девушки. Она же ещё несовершеннолетняя. Как её родные могли так поступить?

Ван Лили, вспоминая слова учительницы, до сих пор не могла прийти в себя.

— Это ещё что. Ты, городская девочка, не знаешь. В маленьких уездных городках такое случается сплошь и рядом.

Чжан Цзяньго опустил камеру с плеча, достал из кармана сигарету, но, взглянув на стоявшую рядом девушку, убрал зажигалку обратно.

— Экономика в маленьких городках отсталая, многие семьи живут бедно. Предпочтение отдаётся мальчикам, это обычное дело. Девочки становятся разменной монетой. Продажа дочерей — не единичный случай.

За десять лет работы журналистом Чжан Цзяньго посмотрелся на многое.

Ван Лили выросла в большом городе и приехала в уезд лишь на практику. Когда стажировка закончится, её переведут.

Девушка с детства не знала нужды. Она была единственным ребёнком в семье, её баловали и любили. Когда у неё было плохое настроение, она могла и покапризничать перед родителями. Она и представить не могла, что другие девушки живут в таком аду.

Как девушка, Ван Лили прониклась огромным сочувствием к этой незнакомой ей девочке.

Она сжала кулаки:

— Я во что бы то ни стало должна помочь ей добиться справедливости.

Чжан Цзяньго посмотрел на неё и спросил:

— И как же ты собираешься этого добиться? Это их семейное дело. Как говорится, даже самый честный судья не разберётся в семейных дразгах.

— Я расскажу об этом в репортаже, — сказала Ван Лили. — Чтобы как можно больше людей узнали о положении Чжао Кэ. Под давлением общественности её семья наверняка не посмеет снова заставлять её выходить замуж за того старика. Может быть, это привлечёт внимание общественности, и ей соберут пожертвования, чтобы хоть как-то помочь на первых порах.

Чжан Цзяньго считал мысли девушки наивными. Это всего лишь маленький уездный городок, и в таких бедных местах подобные истории происходят постоянно. Что может изменить её слабенький голос?

Но, глядя на огонь в её глазах, он вдруг вспомнил себя в начале своего пути журналиста, полного энтузиазма.

Сначала он хотел быть тем, кто сообщает правду, служит народу и стране. Но со временем всё это постепенно исчезло, осталась лишь рутина, скука и жизнь, идущая по накатанной.

Все острые углы были стёрты.

Но свет в глазах этой девушки зажгёт в его сердце угасший было огонь.

— Ладно, дядя Чжан поможет тебе в этом. Но одних слов учителей недостаточно. Поедем к ней домой.

Ван Лили радостно запрыгнула в машину:

— Отлично!

Машина свернула со школьной дороги и направилась к дому Чжао Кэ.

***

Школьная жизнь была однообразной, но насыщенной.

По крайней мере, для молодого господина Хуа она была чересчур насыщенной. Телефон, который раньше приходилось заряжать дважды в день, теперь с утра до вечера сохранял

больше половины заряда.

И дело было не в чём-то другом, а в том, что у него просто не было времени на телефон.

— Эти тридцать слов я спрошу у тебя, когда вернусь. Выучишь — можешь ложиться спать.

Чу Вэй протянул ему тетрадь, исписанную словами, и, повернувшись, переоделся.

Хуа Хайцзюнь протёр глаза, посмотрел на эти английские буквы и откинулся на спинку стула.

— О небеса, убейте меня! Это слишком сложно.

— В английском главное — словарный запас. А твоего запаса не хватит даже чтобы поздороваться с иностранцем.

Сказав это, Чу Вэй переобулся в лёгкую обувь.

Хуа Хайцзюнь взглянул на него:

— Ты опять куда-то собрался? Скоро отбой.

Чу Вэй склонил голову набок и загадочно произнёс:

— Вершить правосудие от имени небес, помогать слабым.

Глаза Хуа Хайцзюня заблестели. Когда он обернулся, Чу Вэй уже вышел. Он открыл дверь на балкон и увидел лишь смутный силуэт, соскользнувший вниз со здания. Обычный человек, если не приглядываться, ничего бы и не заметил.

— Инопланетяне всё-таки крутые. Как мне повезло.

***

Чу Вэй снова отправился в тот парк. Это было его излюбленное место.

Во-первых, здесь было малоллюдно, а глубокой ночью и вовсе никого. Во-вторых, здесь было просторно. Ещё во время учёбы он часто сбегал сюда, чтобы практиковаться. Правда, раньше ему приходилось оставлять на двери талисман, чтобы обмануть соседей по комнате.

Но теперь в этом не было нужды. Он ведь стал всемогущим инопланетянином.

Днём прошёл сильный дождь, и парк был чистым, а воздух — прохладным.

Чу Вэй размялся, подобрал ветку и начал упражняться с мечом.

С самого начала своего пути совершенствования искусство меча было первым, с чем познакомился Чу Вэй. Поскольку его учитель был культиватором меча, он, можно сказать, вошёл на этот путь через меч.

Но, по словам учителя, в современном мире духовной ци было мало, и совершенствующихся почти не осталось. Достаточно было овладеть основами. Если же упорно продолжать, то можно было достичь и большего.

Что касается талисманов и заклинаний, то это были вещи, которые Чу Вэй осваивал сам.

Все магические искусства связаны между собой. Хотя у каждого своя область специализации, освоив одно, можно по аналогии постичь и многое другое.

Учитель говорил, что у Чу Вэя высокий талант, он прирождённый совершенствующийся. Если бы не нынешние ограниченные условия, он мог бы достичь гораздо большего.

Но он никогда не хвалил Чу Вэя в лицо. В совершенствовании самое главное — избегать легкомыслия и нетерпеливости. Только упорный труд ведёт к успеху.

Чу Вэй с детства был трудолюбивым. Что учитель говорил, то он и делал.

Другие дети играли в грязи — он учился. Другие бегали по деревне — он учился. Он почти впечатал усердие в свои кости.

Все думали, что его статус гения даётся ему легко, но только он сам знал, что всё это — результат его упорного труда, шаг за шагом.

Закончив один комплекс упражнений, он опустил ветку в руке. Но не успел он её бросить, как она рассыпалась в пыль, которая развеялась по ветру.

Чу Вэй нахмурился. Опять не получается.

В последнее время постоянно так: после тренировки его «оружие» рассыпается в прах.

— Контроль — вещь непростая. Ты действуешь слишком грубо. Ветка не выдерживает духовной

энергии и, естественно, ломается.

Хуа Жун неизвестно когда появился за спиной Чу Вэя.

Уголки губ Чу Вэя изогнулись в улыбке, и он радостно обернулся:

— Учитель, когда вы пришли?

Неизвестно, было ли это его воображением, но ему казалось, что фигура учителя становится всё чётче. Он уже мог разглядеть волосы у него на висках.

Хуа Жун медленно подошёл. Его фигура была высокой и стройной. Хотя Чу Вэй уже видел его истинное лицо вчера, но, увидев снова, он не мог не восхититься.

Чу Вэй, не двигаясь, смотрел на учителя.

Хуа Жун остановился перед ним, слегка поднял руку, и обломок ветки упал ему в ладонь.

— Не используй духовную энергию для контроля над оружием. Оружие контролирует твоя рука.

С этими словами фигура в черном халате закружилась в танце в пустом парке.

Это был первый раз, когда Чу Вэй видел, как учитель действует. За десять с лишним лет знакомства голос учителя почти впечатался в его мозг, врос в его душу, но он никогда не видел его лица.

Теперь, увидев его, он понял, что за все эти годы учёбы не смог найти ни одного слова, чтобы описать мужчину перед ним.

В этот момент Чу Вэй почувствовал, как его сердце забилось необычайно быстро. Словно что-то коснулось струн его души — легко, щекотно, но так, что это невозможно было проигнорировать.

<http://bllate.org/book/16969/1585594>